

ГЛАВА 2

НЕВЗГОДЫ И ПЕРЕДРЯГИ

Бремроук, самая широкая улица Тремпл-Толл, была запружена. Экипажи увязли в заторе на мостовой; в их окошках виднелись раздраженные лица пассажиров, а на крышах уже выросли снежные шапки.

Не протолкнуться было и на тротуаре. Вечер всегда считался самым оживленным временем в Саквояжном районе, но сейчас, по ощущениям, здесь собрался едва ли не весь город.

На Бремроук приближение праздника было особенно заметно. Ярко светились окна и витрины, отовсюду звучала новогодняя музыка, пахло пряным, сладковатым грогом и елочной хвоей. Колокольчики над дверьми многочисленных лавчонок звенели не переставая.

Джентльмены и дамы сновали от одной двери к другой, на время исчезая в лавках, и всякий раз, когда они снова оказывались на улице, в их руках появлялись все новые свертки или коробки.

Возле одной из лавок стоял латунный автоматон в костюме Человека-в-красном: объемистой шубе с белой меховой оторочкой, на голове его был алый колпак, а нижняя часть лица скрывалась под накладной седой бородой. В руке автоматон держал большой мешок и механическим голосом интересовался у прохожих, купили ли они уже праздничную елку, не забыли ли приобрести украшения для нее, и советовал не затягивать с покупкой новогодних открыток на почте:

— Мэм, вы уже разослали открытки с поздравлениями? — Две круглые лампы, служившие автоматону глазами, уставились на шедшую мимо женщину.

— Нет, — буркнула та.

— Но ведь их еще нужно успеть раскрасить! — добавил неугомонный автоматон. — Поторопитесь! А то ваши близкие не получат от вас поздравления...

— Отстань! Ты ненастоящий Человек-в-красном.

Автоматон уже забыл о ворчливой мисс и пристал к тучному господину в клетчатом пальто со своим «Сэр, вы уже разослали открытки?».

Зои Гримм пробиравлась через толпу и раздраженно косилась на всех этих в разной степени довольных и предвкушающих что-то людей. Неужели они забыли, что новогодняя ночь только завтра?! Зачем покупать все заранее?!

Несмотря на то что было не так уж и холодно, в толпе прохожих Зои чувствовала, что замерзает, и испытывала одиночество еще сильнее, чем обычно.

Лица кругом походили на пятна, голоса смешивались и сливались в неразборчивое ворчание: дети уговаривали родителей купить ту или иную игрушку, кто-то обсуждал с кем-то грядущий праздник, еще кто-то возмущался взвинченными ценами.

Зои остановилась у лавки «Мисс Гусыня». На витрине в нескольких рядах на крючках висели утки и гуси.

Несложно было представить одного из этих гусей в запеченном виде и с золотистой корочкой, на большом блюде посреди стола.

Перед глазами у Зои вдруг возник образ: она стоит у печи в переднике, машет тряпкой, пытаясь разогнать дымную тучу, ведь гусь подгорел, — и ей стало совсем тошно. Она не умела готовить. Когда-то у них с папой была экономка миссис Моллерн — вот она чудесно готовила, но, как и папа, миссис Моллерн давно перебралась на Чემоданное кладбище.

Мисс Гримм насилиу оторвала взгляд от окна лавки и побрела дальше по Бремроук, в сторону трамвайной станции. Даже если бы она и умела готовить, гуся ей не видать: стоят они, должно быть, немало.

— Что там говорил мистер Рэкхауз? — пробормотала она. — «Укради праздник»? Эх...

Зои провела рукой по гладкой поверхности снежного шара в кармане — и ее вдруг охватило новое, незнакомое чувство: жгучий стыд из-за совершенного поступка. Прежде она ничего не воровала...

«Если бы только папа видел меня сейчас...»

Она представила его грустное лицо. Папины губы шевельнулись: «Этот город очень плохо на тебя влияет, милая».

Зои невероятно хотелось ответить ему: «Но ведь этот Тоббсон из лавки... Он такой злобный! Он очень дурной человек! Как он обходится с людьми! Мистер Рэкхауз и мистер Свифт украли у него шарики, чтобы раздать их бедным детям. Разве они не поступили хорошо?»

Воображаемое лицо отца растаяло, и она осталась наедине с неопределенностью.

— Кто же здесь настоящий злодей? — спросила она себя. — Я не понимаю... просто не понимаю.

Зои вдруг ощутила себя маленьким кроликом, тонущим в вязком супе улицы, с его ворчанием, гулом, людьми, экипажами, гудящими клаксонами и звенящими дверными колокольчиками.

— Я кролик в кроличьем супе... — пробормотала она. — Кроличий суп... — Зои дернула головой и оборвала себя: — Что еще за кроличий суп?!

«Лучший в городе кроличий суп!» — последовал скрипучий ответ. — *Только в ресторане госпожи Примм! Приходите! Только у нас! Чемоданная площадь, дом № 23! Лучший в городе кроличий суп!»*

— Вот оно что! — буркнула Зои, бросив взгляд на рекламную будочку, над которой висели бронзовые вешатели.

Подойдя к станции, она задрала голову. Квадратные ячейки часов обратного отсчета сообщали, что до прибытия трамвая осталось десять минут, но, учитывая, какими раздраженными и нервными выглядели люди на станции, эти ячейки, вероятно, не менялись уже довольно долго.

«Вы одиноки? У вас нет друзей?! Некому сделать вам подарок на Новый год?» — продолжала бубнить рекламная будочка. — *В „Чучеллоус“ вам помогут! „Чучеллоус“ знает решение! Подари-себе-сам! У нас вы можете заказать лучшие плоды, с которыми никогда не будете*

чувствовать себя брошенными и никому не нужными. Лучшие карманные часы, с которыми никогда никуда не опоздаете. Самые вкусные конфеты! Зачем нужны друзья, когда есть шоколад?!

„Чучеллоус“ — ваш друг в эти праздничные дни. У нас все по-честному! Никакого обмана! „Чучеллоус“ не мошенники!

И помните: у вас не будет подарка, если вы сами его себе не делаете!

Закажите прямо сейчас! Всего двадцать фунтов за любой подарок! „Чучеллоус“, площадь Неми-Дрё, дом № 14!

(Оплату производить по почте. Коробка, ленты и праздничная упаковка входят в стоимость.)»

Объявление сменилось, и сонный женский голос стал рассказывать о прелестях нафталина «Нафплз».

Мисс Гримм огляделась по сторонам. Ожидавшие трамвай люди, кажется, не обратили внимания на прозвучавшее из рекламных вешателей сообщение о подарках.

«Наверное, у каждого из них есть друзья, — с тоской подумала Зои. — Но эти „Чучеллоус“ — просто находка для одиноких людей. Таких, как я...»

Ее мысли прервали раздавшиеся неподалеку крики:

— Пустите! Я ничего не сделал!

Голос принадлежал мальчишке. Судя по болтающемуся у него через плечо ремню с пачкой газет, это был один из тех крикунов, что бегают по улицам, вопя: «Свежие новости! Свежие новости!»

За ворот латаного пиджачка мальчишку-газетчика держал констебль. Он так сильно тряс бедолагу, словно намеревался проверить, насколько крепко в нем сидит его худая чумазая душа.

Толстяк в темно-синей форме и высоком шлеме был разъярен и орал на полквартала:

— Негодяй! Хорек! Прохиндей!

Люди кругом повернули головы и вытянули шеи, в окошках томящихся в заторе экипажей появились заинтересованные лица. В Саквояжном районе каждый мнит себя опытным театральным зрителем и по мере возможности пытается не только посмотреть спектакль, но и поучаствовать в нем. Не всем по карману билет в театр или кабаре — да и зачем его покупать, когда сценка не хуже разворачивается прямо здесь и сейчас?

— Подлец! Мерзавец! Злодей! — продолжал бушевать констебль. — Ты у меня ответишь за свое гнусное злодеяние!

Зеваки принялись гадать, что же такого натворил мальчишка. Что бы констебль ни говорил, маленький газетчик не походил на злодея — он выглядел перепуганным до смерти.

— Мальчишка, видимо, пытался украсть кошелек у констебля Домби, — предположил кто-то в толпе.

— Нет же, он нагло нюхал жареных ворон возле «Сноритц»! — вставил еще кто-то.

— Стукните его, да покрепче, мистер Домби! — со смехом посоветовал один из кебменов.

— Да, взгрейте его как следует! — поддержала какая-то дама.

Зои не могла взять в толк, чем же газетчик заслужил подобное.

— Что он сделал? — поинтересовался у констебля джентльмен с тростью, узким лицом и ехидством во взгляде, подойдя к темно-синей полицейской тумбе.

Констебль Домби, обладатель пухлого лица, мелких глазок и пышных подкрученных усов, повернул голову к любопытствующему господину и скривился:

— О, мистер Бейброк из «Гришем и Томм»! Только господ адвокатов нам и не хватало! Будете выгораживать этого хоряка недобитого?!

«Вот сейчас мистер Бейброк поставит на место этого злобного констебля, — подумала Зои. — Он прекратит безобразие и...»

— Помилуйте, мистер Домби! — широко улыбаясь, ответил адвокат. — Я не на службе. И к тому же вряд ли мальчишке по карману мои услуги. Можете разделаться с ним! Только скажите сперва, что он натворил, — а то так неинтересно.

Зеваки поддержали его одобряющими возгласами.

— Этот малолетний шушерник — вы не поверите... — начал констебль, в очередной раз встряхнув мальчишку. — Вы даже не можете представить себе подобную наглость...

— Не томите, мистер Домби!

Констебль пожевал губами, отчего его усы заходили ходуном, и наконец сообщил:

— Он имел дерзость кричать, что полиция больше не нужна в Тремпл-Толл! И что эта преступная мерзавка, Зубная Фея, сама отыщет ту тварь, что завелась в канале! Вы можете себе представить?!

- Какая дерзость! — с ядовитой улыбочкой согласился адвокат.
- Да! — воскликнул кто-то.
- Вы будете его уже лупить, мистер Домби?
- Швырните его в сугроб!
- Оторвите ему уши!
- Открутите ему нос!

Мальчишка расплакался.

— Это все заголовок! — пытался он объяснить. — Я просто прочитал заголовок!

— А ну, замолк! — прикрикнул констебль и потянулся за дубинкой.

— Нет, прошу вас, сэр! — взвыл мальчишка. — Я ничего не сделал!

— Закону виднее! — рявкнул мистер Домби и поднял дубинку.

Впрочем, ударить маленького газетчика констебль не успел. В его шлем вдруг врезался брошенный кем-то снежок.

Зеваки притихли.

— Кто... Кто это сделал?! — пораженно пропыхтел констебль, в ярости озираясь по сторонам. — Кто посмел?!

Полицейский, видимо, собирался еще что-то добавить, но в него врезался еще один снежок, а за ним еще один и еще. Первый ударил констебля в живот, второй вновь стукнул по шлему, рассыпавшись при столкновении белым крошевом. Третий был брошен более метко и пришелся прямоком в багровое лицо служителя закона.

Мальчишка вырвался и припустил по улице прочь, а в мистера Домби уже летел новый залп из снежков. Попада́ли они точно в цель, и их было так много, будто констебля обстреливал целый взвод снежковых солдат.

— Нападение! На полицию совершено нападение! — вопил, отплевываясь от снега и яростно потрясая дубинкой, мистер Домби, не забыв пригнуться и прикрыть лицо рукой. — Всех арестую! Негодяи!

Он ринулся к своей сигнальной тумбе, очевидно намереваясь дернуть тревожный рычаг и вызвать подмогу с соседних кварталов.

Зеваки посчитали наилучшим вспомнить о прерванных делах: представление принимало весьма неблагоприятный оборот,

и попасть под горячую руку униженной полиции никто не хотел. Тем более затор ожил, и экипажи на мостовой пришли в движение. К станции, прозвонев, подошел трамвай. Пассажиры стали забираться в вагон...

Когда трамвай отошел от станции «Бремроук-Харт», в вагоне началось живое обсуждение случившегося. Больше не опасаясь гнева оставшегося на улице служителя закона, пассажиры принялись насмехаться над недотепой и гадать, кто же осмелился сбить с него спесь, даже не представляя, что виновник происшествия тут, среди них.

Зои Гримм была весьма довольна собой: «Так ему и надо, этому мерзкому Домби!»

На сиденье напротив устроились два клерка в котелках и очках — оба сжимали ручки портфельчиков для бумаг.

— Как думаете, Хамфри, кто стоял за этими снежками? — спросил клерк с каштановыми бакенбардами.

— Хороший вопрос, Ньютс, — ответил Хамфри, обладатель массивного носа и лаконичного подбородка, из-за чего казалось, будто его голова вот-вот завалится вперед. — Думаю, это был тот старик в вошенном шапокляке, который все никак не мог достать билет из билетной тумбы.

— Что? Да он же едва на ногах держался! Уверен, это была та странная мисс...

Зои напряглась.

— Какая мисс? — удивился Хамфри. — Которая держала дюжину коробок с подарками?

— Ну да, — ответил Ньютс, и Зои облегченно вздохнула: ее не подозревали.

— Но ведь у той мисс руки были заняты всеми этими подарками. Я не заметил у нее третьей руки.

— А ведь и правда. Четвертой у нее тоже не было: чтобы слепить снежок, нужны две свободные руки.

Клерки рассмеялись. После чего Хамфри сказал:

— Но, если задуматься, все это крайне неприятно и очень не по-праздничному. Я имею в виду жестокость констебля к тому бедолаге. Я уже сам собирался напомнить мистеру Домби о приличиях, но меня опередили.

— Вот только не нужно врать, дорогой коллега. Я вас хорошо знаю. Скорее мистер Домби сам в себя бросил бы снежок, чем это сделал бы вы. Я ведь осведомлен, как вы боитесь синемундирников.

Хамфри снял очки и принялся протирать их выдавшим виды (и пару дюжин простуд) носовым платком. При этом он многозначительно заявил:

— На Набережных или в Сонн такого никогда бы не произошло: тамошняя полиция не хватает людей на улицах. И к ней относятся уважительно. Если ты законопослушный гражданин, тебе нечего опасаться.

Ньютс снял свои очки и, подышав на стеклышки, сказал:

— Не знаю, как в Сонн или на Набережных, но здесь, в Саквояжне, просто не выйдет быть законопослушным. Ты должен отрасать зубы, если хочешь выжить на этих улицах. Всех беззубых Тремпл-Толл перемалывает и переваривает.

— Это верно. Но здесь ни у кого нет зубов, Ньютс. Разве что у тех, о ком пишут в «Сплетне».

— Вы имеете в виду... кхе-кхе... — Ньютс кашлянул, пытаясь замаскировать имя, — Пуговичника и прочих?

— Именно их я и имею в виду.

Ньютс испуганно оглядел прочих пассажиров и негромко произнес:

— Не стоит упоминать лишний раз этих личностей: никогда не знаешь, кто может ехать с тобой в одном трамвае. Вдруг эти злодеи среди нас...

— Знаете, дорогой коллега, если бы я мог, я бы непременно стал одним из них.

— Непременно стали бы, — отозвался собеседник, — будь у вас зубы...

Отвернувшись, Зои Гримм уставилась в окно — беседа клерков ее больше не интересовала.

Этот гадкий город схватил ее и крепко сжал в своих снежных объятиях. Столько всего случилось за то короткое время, что она не дома! А ведь она просто хотела выпить чашечку сливового кофе со сливками... Удивительно просто!

Что ж, она удивилась бы еще сильнее, если бы сейчас могла наблюдать за констеблем Домби.

Выждав немного, пока улочка не забудет о происшествии возле сигнальной тумбы, толстяк огляделся по сторонам и шмыгнул

в подворотню ближайшего дома. Там его уже ждал тот самый неосторожный на язык мальчишка-газетчик. На его лице не было и следа слез или страха перед грозным служителем закона.

— Сэр, мистер Домби! — громким шепотом проговорил он. — Я все правильно сделал?

— Да, Сэмми, — кивнул усач и с хмурым видом надвинулся на мальчика. — Но никакого разговора о снежках не было. Мне следовало бы хорошенько выпороть тебя и твоих дружков-газетчиков за каждый снежок. Ты должен был сохранить все в тайне! Признавайся, кому разболтал, негодник!

— Сэр, я тут ни при чем! Клянусь!

Констебль пристально поглядел на мальчишку.

— Ну ладно. Поверю на слово. Поверю и вычту пять фунтов.

— Но, сэр... — заканючил Сэмми. — Я заслужил свою награду! Я же все сделал, как вы велели!

Констебль достал из кармана мятую купюру в пять фунтов.

— Будешь ныть — все заберу, хорека, — пригрозил он.

Мальчишка схватил бумажку и бросился наутек, пока злой констебль не воплотил угрозу в жизнь.

Мистер Домби закурил папиретку, отчего его голова тут же окунулась в синее облако дыма от табака «Морж». Выйдя из подворотни, он двинулся к своей тумбе, насвистывая песенку «Побитые шушерники горько рыдают». Настроение у констебля было лучше не придумаешь: в кармане лежало пятьдесят фунтов, полученных за очень непыльную работенку. Будет на что как следует покутить в полицейском пабе «Колокол и Шар» в новогоднюю ночь.

Подойдя к тумбе, он зажег горелку и водрузил на нее чайничек. Почувствовав, что на него глядят, констебль усмехнулся и приставил два пальца к краю шлема, сообщая наблюдателю, что задание, мол, выполнено.

Человек в низко надвинутом на глаза котелке, стоявший у скопления труб возле бакалейной лавки «Жестянка Желли», кивнул и направился в сторону площади Неми-Дрё. Может, констебль Домби и выполнил то, что от него требовалось, но вот его дело было еще слишком далеким от завершения.

Все только начиналось...

10 часов утра, 14 часов до Нового года

Зои Гримм боялась моргнуть, ведь «Моргнуть — чудо спугнуть». Так когда-то говорил ее папа. А Зои меж тем ждала чуда. Ждала до головной боли, до чесотки в носу, до щекотки в пятках.

В прихожей было темно. Зои любила темноту: в ней все становится незначительным и неважным, мысли замедляют лихорадочный бег, ну и, само собой, в темноте так приятно думать и спать. Зои была еще той соней...

В прихожей тянуло холодом. Холод она тоже любила. Зима — ее время. Все поскальзываются и так забавно пытаются удержать равновесие, размахивая руками. А еще все носят теплые пальто и громадные шубы. Ее смешили красные носы этих нелепых прохожих. А как они забавно чихают! Сидя у своего окна и наблюдая за площадью, Зои Гримм коллекционировала городские чихи: тоненький скованный дамский чих, сопливый детский чих и протяжное басовитое чиханье увальня-констебля Уилмута у полицейской тумбы...

Но сейчас она совсем забыла о своих любимых зимних забавах. Мисс Гримм стояла у двери. За дверью стоял почтальон.

— Что там? — пробормотала она, даже привстав на носочки от волнения. — Что же ты принес?

«Трыннь! Трыннь!» — издал механический звонок. Уже во второй раз.

Зои не спешила открывать. Она вовсе мечтала. Мечтала и грызла ногти.

Канун Нового года — лучший день в году. Лучший день в Габене! Шум и сутолока. Повсюду снег. Дым поднимается из труб. Вóроны в смешных цилиндрах бродят по заснеженным водостокам. На углах стоят снеговики, и не все из них такие же нахальные типы, как мистер Пибоди. Ели наряжаются, словно дамы. Обжоры уже точат вилки. Все в ожидании... И самое главное — подарки!

Зои ждала свой подарок. Истово. Или, вернее, неистово. Ждала всего ночь и утро, но для нее будто бы прошел целый год: о, она была неплохим клубочком ниток, потому как превосходно умела себя накручивать.

И вот она дождалась. Почтальон стоит под снегом. Кутается в шинель. Дует на озябшие пальцы. Он снова тянет за цепочку.

— Трынн! Трынн!

А Зои все мечтает... Она перетаптывается в прихожей и придумывает всякое. Канун Нового года — лучшее время, чтобы помечтать. И то верно: когда еще, если не сегодня, прикажете ждать чуда? Чуда в картонной коробке и в пестрой упаковочной бумаге. Перевязанного ленточками чуда.

— Что же в коробке, которую мне прислали эти славные «Чучеллоус»?

Она и правда не знала: «Чучеллоус» не раскрывали секрет до последнего, ведь иначе это был бы не подарок, а просто скучная покупка.

Зои потерла руки.

— Там точно пледик. Хочу теплый клетчатый плед, как в витрине «Мяфплерс»! Чтобы завернуться в него и глядеть на снег. Пить имбирный чай с кашалотом, грызть шоколадку «Сладкая Кома» и... ах!

Зои мечтательно закатила глаза.

— Или нет! Пусть там будет «Хроммер». Как же я хочу эти часики с милыми стрелочками и двойной цепочкой. Чтобы отмерять хорошие времена, всегда приходить вовремя и не быть соней и... ах!

Зои закусила губу.

— Или нет! Шоколадные конфеты с желудями. Вкусно и хрустяще! Ах!

Трынн! Трынн!

Зои встрепелась: почтальон с коробкой все еще стоит за дверью — как бы он не решил, что дома никого нет!

Распахнув дверь, Зои увидела усача в фуражке и темно-красной зимней форме Почтового ведомства. Выглядел он, разумеется, очень раздраженным. Ожидая, пока адресат наконец откроет, усач успел посинеть от холода, а его плечи покрылись снегом.

Выдыхая облачка пара, почтальон проскрипел:

— Бандероль для...

— Да-да! Это я! Спасибо и счастливого праздника, мистер почтальон!

Зои схватила коробку и захлопнула дверь.

Из-за нее донеслось ворчание:

— Вот ведь странная... С этими «Чучеллоус» все просто походи-ли с ума. Гм... может, и себе что-то у них заказать?

Зои не слушала.

— Ну же... ну же...

В эти мгновения она еще больше походила на помешанную: едва ли не сгрызла от нетерпения нижнюю губу, пальцы нервно дрожали.

Вот-вот она узнает, что же ей подарили «Чучеллоус» на Новый год!

Ленты летят в стороны. Оберточная бумага падает на пол. Крышка откидывается и...

В коробке был плед.

Размером... с носовой платок.

Зои завернула пальчик. Пальчику тепло. Душе — холодно.

— Что?! — горестно прошептала мисс Гримм.

Она боялась именно этого! Крошечного пледа и... разочарования.

— Эй, а это еще что такое?!

На дне коробки лежала сложенная бумажка. Записка?!

Зои развернула ее и прочитала:

«Премалоуважаемый адресат!

Компания „Чучеллоус“ благодарит вас за то, что вы воспользовались нашими услугами.

Все в „Чучеллоус“ невероятно счастливы, что в наши сети попался очередной наивный простак.

Если вы еще не поняли, то мы с радостью сообщаем вам: вы обведены вокруг пальца, одурачены, обмануты и щелкнуты по носу.

Мы искренне благодарим вас за ваши денежки и за то, что вы сделали нам настоящий подарок на Новый год. Благодаря вам и другим простофилям у нас будет просто замечательный праздник.

*Счастливо горевать,
ваши друзья „Чучеллоус. Подари-себе-сам“*

По эпилогу: советуем вам воспринять все это просто как шутку и не искать нас. „Чучеллоус“ и след простыл. Чемоданы давно собраны, и контора переехала в другое место».

Зои выронила записку из застывших пальцев. Часовые механизмы в голове начали коржиться и гнуться. Тиканье стало нарастать...

Она не могла поверить. Это была насмешка! Унизительная, злобная, несправедливая насмешка. Ее просто разыграли... Проклятый Габен! Треклятый Саквожный район! Здесь все пытаются нагреть друг друга, и никакой праздник им не помеха!

Зои ссутулилась и стала напоминать гаргулью.

— Мошенники! — прошипела она. — Мой праздник испорчен! Бесповоротно! Он украден! Безвозвратно! Ненавижу все и вся!

И тут металлический звон в голове вдруг стих. Внезапно. Резко. Словно заводная игрушка под названием «Головешка некоей Зои Гримм» неожиданно выключилась.

Чтобы окончательно свести ее с ума, хватило такой мелочи, как обман с подарком...

Зои шумно выпустила через ноздри воздух. Еще более шумно втянула его обратно.

Несуществующий заводной ключик в голове скрипнул, провоциваясь. Раз, другой, третий...

— Это была последняя капля, знаете ли! — прорычала она. — С меня хватит! Добрая Зои Гримм умерла! Злая Зои Гримм всем отомстит! Она заполучит себе праздник. Любым способом — даже нечестным путем. Не с той связались... Где мой сундук?!

Сундук стоял под вешалкой. Это был старый дедушкин сундук, в котором тот когда-то хранил оружие для охоты на разных монстров, — и его время пришло...

Зои решительно откинула крышку. Оружия в сундуке, разумеется, давно не было, и внутри хранился сущий хлам, который мисс Гримм держала там годами. Бесполезный, странный хлам. Именно то, что нужно!

Она натянула полосатые чулки. (Злодейские полосатые чулки.) Ножки вдела в багровые туфельки. (Какие носят лишь вредные дамы.) Эффектным движением набросила на плечи и застегнула на пуговицы кроваво-красную пелерину с капюшоном. (На улице же снег идет!)

— Чего-то не хватает... Чего же?

На стене висело покрытое патиной темное зеркало. Увидев свое отражение, Зои испытала легкое разочарование: она совсем не похожа на коварную и угрожающую злодейку, от которой стоит

держаться подальше... Нет, она выглядела всего лишь крайне огорченной. А ей нужно злодействовать. Творить и вытворять!

— О! Я знаю!

Зои отправилась к камину и, зачерпнув пальцами сажу, вернулась к зеркалу, а затем очертила-подвела сажей глаза. Подумала... Добавила еще немного сажи...

— Другое дело! Настоящий злодей из Габена! Вернее, злодейка!

У злодеев темные глаза. Тонушие в тених и очень проникновенные, с ноткой трагичности. Она искренне так считала.

Мисс Гримм коварно улыбнулась. Зеркальная злодейка улыбнулась ей в ответ.

— Я заполучу свой плед. И часики. И все прочее. Украду, стяну, заграбастаю. Они еще узнают... Все в городе узнают. Я заставлю их плакать. И пускать слюни. И сожалеть. Где мой барабан?!

Склонившись над сундуком, Зои немного повозилась внутри и достала полосатый красно-белый барабан. (Созывать прихвостней.) Затем извлекла на свет мешочек молотого перца. (Отбивать нюх у констеблей.) Взяла чайник. (Пригодится для чаепитий с прихвостнями между злодействами.)

Зои нахмурилась: но где же взять тех самых прихвостней?!

Все злодеи кем-то командуют. Их обычно сопровождает прорва различных карманных вредителей, полезных для того, чтобы быть на побегушках и приносить дурные вести вроде: «Босс, план провалился...»

— Мои планы не провалятся. Мои прихвостни будут умными. И исполнительными. И хитрыми. Только где их взять? Дать объявление в «Сплетне»?

Зои выглянула в окно.

Снег заметал площадь. Ветер подкручивал снежинки. Мимо прошел толстяк, пыхтящий под весом разлапистой ели. Рыча, фыркая и выплевывая облачка пара, проползли сани, которыми управлял старик в летном шлеме и больших защитных очках. У полицейской тумбы суетился мистер Уилмут. Всю тумбу затянуло дымной тучей — видимо, констебль снова что-то в ней сломал: сигнальные трубы понуро опустились до самой земли, одна из них дергалась из стороны в сторону, болезненно повизгивая, а из открытой котельной топки во все стороны летели искры.

Не обращая на толстого полицейского внимания, сновали по своим делам прохожие. Станция была пуста — вероятно, трамвай недавно отошел и...

Погодите-ка! А кто это там стоит, у билетной тумбы?! Высокий и носатый. В длинном пальто и цилиндре. С шарфом и зонтиком.

— Ну не-е-ет... — прошептала Зои. — Снова ты!

Этот пройдоха вернулся! Прихватив свою здоровенную круглую голову, улыбочку и папиретку, он в очередной раз заявился на площадь, будто его приглашали!

— Только тебя сейчас и не... — начала было Зои, но тут ей вдруг вспомнилась некая книжка в красной обложке.

— Хм!

Зои улыбнулась.

— Хм, хм и... хм! А почему бы и нет?

В предвкушении цокнув каблуками, мисс Гримм направилась к выходу. Скрипнули петли. Хлопнула дверь.

Оказавшись под открытым небом, Зои натянула на голову алый капюшон пелерины и потопала к станции, нащупывая ледяную поверхность снежного шара в кармане.

Снеговик заметил ее и повел головой, попятился. Весь вид этого типа выражал неуверенность — кажется, он не знал, что предпринять. Что ж, ему определенно стоило броситься наутек.

— Эй, дружок, как дела? — спросила Зои Гримм, подходя к снеговику.

Она больше не испытывала перед ним никакого трепета. В голове снова зазвенели шестеренки, но она на это даже не обратила внимания.

— Гляди, что у меня есть...

Зои достала из кармана снежный шарик и как следует встряхнула его.

Снеговик склонился к ней и уставился на поднявшуюся в шаре метель, едва не коснувшись его стеклянной поверхности носом. Дымок лениво поднимался от гнутой папиретки, время словно остановилось...

В какой-то момент снеговик поднял руку и потянулся к шарiku, но Зои отступила на шаг и покачала пальцем:

— Ручонки прочь, мистер Пибоди! Если хотите получить эту прекрасную вещьцу, вам придется немного потрудиться.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

